

станет красть голубя, курицу или утку, не станет запахивать между княжеского или боярского поля. Он может явиться с вооруженной дружиной, сжечь имение и увести отсюда всё наиболее ценное. С ним и расправа будет такая же: вооруженный наезд со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Правда» Ярославичей, вырабатывая меры защиты, не об этой опасности говорит. Она видит опасность от населения соседних сел и деревень, враждебно настроенного к прочно осевшему в своем укрепленном гнезде крупному землевладельцу¹.

Предусмотренные „Правдой“ Ярославичей преступления были, очевидно, чем-то обыденным, ибо если бы они представляли собой явление исключительное, то не потребовалось бы издания специального закона для борьбы с ними, включенного в нормы, выработанные для всей Русской земли, — „Правда уставлена Руской земли“.

В обществе, где шло наступление на общину, где общинники и городские труженики разорялись, теряли свободу и превращались в зависимых людей, ожесточенная классовая борьба нередко выливалась в открытые восстания. Источники сохранили нам сведения о нескольких восстаниях в древнерусском государстве на протяжении второй половины XI и начала XII века. Киевское восстание 1068 года стоило престола киевскому князю Изяславу Ярославичу. Через несколько лет, в начале 1070-х годов, восстанием смердов был охвачен Суздальский край. В грозном киевском восстании 1113 года принимали участие и киевские горожане, и окрестные смерды.

Все эти восстания вызывали тревогу и смутнение среди феодалов, что нашло отражение в литературе господствующего класса описываемого времени.

Этот „упадок общественного настроения“ во второй половине XI века давно уже обратил на себя внимание некоторых исследователей (Н. К. Никольского, М. Д. Приселкова, В. М. Истрина), отмечавших, что именно в это время на смену светлым, бодрым тонам литературы начала столетия приходят мрачные высказывания.²

Правильно отмечая это явление, названные исследователи объясняют его идеалистически. Н. К. Никольский указывает, что придворная жизнь Владимира Святославича „была полна веселия и богатырского удачества“. Ей были совершенно чужды идеалы монашеского самостязания. При Владимире, пишет далее Н. К. Никольский, большое значение придавалось милостыне, нищелюбию и „истинному учению“, а русские люди того времени считали, что, приняв христианство, они через крещение и милостыню уже обрели „спасение“. Эти взгляды выражены в „Слове о законе и благодати“ Илариона и в летописной записи под 1015 годом о добродетелях Владимира. Однако, продолжает Н. К. Никольский, это мировоззрение недолго держалось на Руси. Скоро „стала укореняться более мрачная религиозная доктрина, совсем несходная с прежнею по основным ее идеалам“.³ Эта перемена, по наблюдениям Н. К. Никольского, произошла в третьей четверти XI века, хотя, быть может, подготовлялась значительно ранее и обя-

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 143—144.

² Н. К. Никольский. О древнерусском христианстве. „Русская мысль“, 1913, июнь, стр. 11 сл. — М. Д. Приселков. Борьба двух мировоззрений. „Россия и Запад“, сб. I, Пгр., 1923, стр. 39 сл. — В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания (оттиск из „Известий Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук“, т. XXVII). Л., 1924, стр. 96.

³ Н. К. Никольский, ук. соч., стр. 14.